

ПЕРВЫЙ ГОД РАБОТЫ В ШКОЛЕ ИЛИ ПУТЬ К УСПЕХУ

Знакомые спрашивали меня:

- Где ты работаешь?*
- В школе, учителем, – отвечал я.*
- И как работа?*
- Скучать не приходится.*
- Большой рабочий день?*
- Шесть-семь уроков.*
- Ты не плохо устроился, можно позавидовать... Часа в три дня уже дома... Отпуск – 45 суток, да ещё каникулы...*
- Мне нравится.*

И вот свершилось! В руках у меня диплом об окончании педагогического института. 29 июня 1989 года мне присвоена квалификация учителя физики и астрономии. К этому моменту я шёл семь лет.

Мечту о школе я пронёс через год учёбы в институте, проверял её на прочность во время службы на Балтийском флоте, боролся за её осуществление три года, вернувшись на второй курс физфака. Отказался от аспирантуры, решив, что это не для меня. Только преподавательская работа. Только с детьми. И к этой работе по самооценке я был готов.

Я был уверен – проблем с учениками у меня не будет. Ведь я ещё помню себя школьником, помню все трудности ребят, знаю их интересы. Я полон сил, а самое главное, желания, показать насколько увлекательна и интересна физика, и они просто не смогут не полюбить её.

Первый год работы. Двадцать девять часов в неделю в девятых - одиннадцатых классах, выпускной физико-математический класс, факультативы, занятия с отстающими, кружок занимательной науки.

Помню, на третьем курсе, проходя педпрактику, каждый из студентов должен был дать всего лишь несколько уроков. А сколько дней ушло на их подготовку... Недоумевал тогда, как могут учителя справляться со своим объёмом работы. Но заболел на две недели учитель - наставник и я был вынужден его заменить. Получил ответ на свой вопрос. Не работа это, а образ жизни. Точно, как у братьев Стругацких – «Понедельник начинается в субботу»!

Говорят, что в первые год-два жизни ребёнка он осваивает столько понятий и умений, сколько не набирает потом за всю жизнь. Мне показалось, что я стал этим ребёнком во второй раз. Поток событий и информации хлынул, меня накрыло с головой, закрутило и завертело. Я не успевал даже анализировать, что же со мной происходит. Ясно было только одно: институт подготовил меня не к реальной, а к идеальной школе.

Пришлось выкинуть из головы все педагогические наставления и истины, в которые меня посветили, и в поисках ответа на вопрос «что и как делать?» воспользоваться методом проб и ошибок. Шишки и синяки сопутствовали продвижению вперёд, но такова диалектика познания. Мне нужны были технологии, такие же точные, как физические законы. Есть ли они? Существуют ли? Я не знал. Но роль «алхимика», получающего очень нестабильный результат меня угнетала.

Много позже понял, конечно, что не имел я тогда ни знаний, ни опыта. Точно щенок слепой, в воду брошенный. Но через трудности прошёл, с пути не сбился. Спасла меня любовь к физике, которой я жаждал поделиться с учениками. Горел этот «маячок» и исправно сигналы помощи посылал.

Просматривая рабочие записи тех лет, обнаружил, что за первый год работы не прочитал ни одной художественной книги. Невероятно, но факт объяснимый. В поисках

ответов на свои вопросы, я штудировал тогда горы педагогической, методической и научно-технической литературы. На всё другое просто не было времени.

Рабочий день делился на две части: работа непосредственно в школе и домашняя подготовка к ней. Свои ночные сны я никогда не запоминал, но думаю, что и эта составляющая суток была как-то связана со школой.

Немного поэкспериментировав с распорядком дня, я пришел к идеальному варианту: Подъем – 6⁰⁰. Холодный душ и кофе, иначе не проснуться. Повторение конспектов уроков за завтраком и по дороге в школу. До 16⁰⁰ занятия. В среду и пятницу - кружок, после которого я возвращался домой в 20⁰⁰. Дома – обед и сон полтора - два часа. Далее: книжный стол, заваленный учебниками и работа с ними. Отбой около двух часов. В 6⁰⁰ – безжалостный звонок будильника, вырывающий из сна. И так изо дня в день. Воскресенье – «отсыпной»

день. Первая половина – для накопившихся домашних дел, вторая – проверка самостоятельных и контрольных работ учащихся и подготовка к понедельнику.

В школе энергия выплескивалась из меня через край, била фонтаном. Но в силу, должно быть, известного закона сохранения этой величины, покидая стены учебного заведения, я становился молчаливым и экономным на её расход. Меня раздражала болтовня радио и телевидения в соседней комнате.

В разговорах я приобрёл привычку больше слушать, чем рассказывать. На уроках – иное дело, там я этим занимался до усталости, да так, что на последних часах начинал заговариваться и глотать окончания слов.

Мне понравилась «фантастическая» погода. Та, в которую «хороший хозяин собаки на улицу не выгонит». Осенний дождь – монотонный и долгий или ветер с колючим снегом в лицо. Раньше при таких обстоятельствах мне нравилось, сидя в кресле с чашкой чая, листать страницы научной фантастики, но теперь стал получать удовольствие от прогулок. Шлёпал по лужам, подставляя лицо под капли, и размышлял.

Я был очарован тишиной ночи. Отрывался порой от книг и всматривался в темноту за окном. К часу ночи, в доме напротив, обычно все огни гасли. Оставалось одно. Порой я уже ложился, а там всё ещё горел свет. Как он мне помогал. Был кто-то ещё: писатель, инженер, студент, учитель..., для которого сон отходил на второй план, для которого дело было важнее отдыха. Позже я узнал, что там жил хронический алкоголик, страдающий психозом и бессонницей. Умер от цирроза печени, погасло окно. Жизнь в своих проявлениях непредсказуема.

Ночи, ночи... Сколько дум с вами связано. И открытий.

Помню глубокую ночь, тру глаза, чтобы не заснуть. Слезятся, будто кто-то горсть песка в лицо швырнул. Но лечь я не могу, пока не решу задачу. Мне нужно её решение завтра. Но все дело в том, что она не решается. По столу и по полу разложены тетради и учебники. Четыре часа утра. Результата нет. Я всё же прилёт, но и во сне искал ответ. Через сто двадцать минут – трезвон будильника. Шатаюсь, направился в душ. Проходя мимо стола, обратил внимание на смятый листок с каракулями.

– Что это?...

Оказалось, что решение. Моё сознание ничего не помнило.

С того года у меня до сих пор хранятся кипы тетрадей. В них решения задач. Я выработал полезную привычку – решать ежедневно не менее четырёх штук. В «отсыпной» день подводил итог и в случае отклонения от графика – дорешивал.

Был у меня в физ.-мат. классе один «злой гений». (Так я его тогда воспринимал.) С удивительной периодичностью он поставлял мне задачи, с которыми, якобы, не мог справиться. Каждую неделю по головоломке. С первой попытки, как правило, они не решались. Со второй тоже. Рылся в литературе, ездил в институт за консультациями. Вскоре понял, что задачи эти он берет из журнала «Квант» из раздела сложных конкурсных заданий. И решение их ему, в общем-то, не так важно. Важен процесс. У меня это занятие от-

бирало много времени, я злился про себя, но выбыть из этого соревнования никак не мог. Дело принципа. Так и соревновались до конца одиннадцатого класса.

Иногда я засыпал стоя. Несколько раз, таким образом, возвращаясь из школы, проехал на автобусе свою остановку. Как-то заснул даже на перемене в лаборантской. Всё понимающий 9 «А» разбудил меня в конце урока:

– Вы не волнуйтесь! Мы не шумели. Задачи решали. Что на дом?..

Очевидно, у каждого человека в организме есть некий защитный механизм, который, срабатывая в критические моменты, предохраняет его от разрушения. Например, такой процесс происходит, когда человек погружается в летаргический сон. К счастью, в него я не впал. Защита моя срабатывала три раза. Происходило это так: Открывая утром глаза, я вдруг понимал, что ресурсы мои исчерпаны, и я не могу даже заставить себя идти в школу. Тогда я звонил, предупреждая завуча, и четыре-пять дней «болел», набираясь сил. Как правило, в эти дни возникали интереснейшие идеи, за реализацию которых я потом брался.

Я был максималистом. Физику, и в этом я был уверен, должен понимать любой культурный человек, а культуру надо привить всем. Для кого-то я был любимым учителем, а с кем-то никак не мог сработаться. Оглядываясь назад, вижу, что многих конфликтов и сложностей можно было бы избежать. Были такие поступки, что без улыбки не вспомнишь. И такие, на которые, к сожалению, я сейчас уже не способен.

Я не умел обходить препятствия и шёл по прямой, наивно полагая, что это и есть кратчайший путь. (А оказалось, что принцип наименьшего времени Ферма может помочь не только в решении физических проблем...) Мудрая мамаша никогда не спросит у капризного ребенка, будет ли он есть манную кашу, или нет. Она тактично поинтересуется: – Тебе пять ложек или семь?

Я учился мудрости.

Конец первой четверти – Ч.П! В одном из выпускных классов я поставил в журнал десять итоговых двоек. Ребята вообще ничего не хотели делать. Педсовет поставил им тройки (я отказался это делать), указав молодому специалисту, что он не усвоил ещё всей специфики работы, применил не все формы работы с отстающими: «Ведь у более опытных учителей они же имеют тройки!» Да, я применил не ВСЕ формы работы и мучился оттого. Сделать так, чтобы физикой увлеклись и полюбили её все - задача архисложная. Но на меньшее я тогда был не согласен.

Временами я впадал в уныние, оценивая свой КПД и сравнивая его с четырёхпроцентной лампой накаливания.

– Ради чего ты так работаешь? – задавал я себе вопрос. – Каков результат?

Я вспоминал лица ребят. Я видел глаза учеников в те моменты, когда рождался наш общий с ними успех. В них я читал жажду познания и благодарность. И я чувствовал себя волшебником. Ради таких мгновений стоило жить.

«Остановись мгновенье, ты прекрасно!» – просил я.

Раннее утро. Все спят, даже птицы за окном. Настольная лампа освещает письменный стол. Под стеклом лежит пожелтевший тетрадный листок с выпиской из книги С. Лема:

Его спросили:

– Как тебе жилось?

– Хорошо, – ответил он, – я много работал.

– Были ли у тебя враги?

– Они не помешали мне работать.

– А друзья?

– Они настаивали, чтобы я работал.

– Правда ли, что ты много страдал?

– Да, – сказал он, – это правда.

– Что ты тогда делал?

– Работал ещё больше: это помогает!

Я отрываю от него взгляд и начинаю свой новый день –

30 марта 1994 года.